

ИВАНЫЧИ

Действующие лица

ДПИ — очень приятный, кругленький человечек лет сорока шести в партикулярном платье.

БПИ — очень похож на ДПИ, но несколько живее и развязнее, лет ему примерно сорок пять.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК — 23-24-х лет, тощий, обтёрханный, но с петербургским лоском во всём обращении и наружности.

СЛУГА — лет 50 (без речей).

ХОЗЯИН (на сцене не появляется, но голос его слышен).

Буфетная зала провинциального трактира. Занавески на окнах не так чтобы очень чистые, но ведь и не так чтоб очень целые, а просто сообразно уставу уездной жизни. Пара столов и стульев, дверь на кухню с окошком, а окошко такое, чтобы можно было подать поросёнка на блюде, хотя блюда такого в кухне и нет. ДПИ, очень почтенного вида маленький человек в клетчатых панталонах и сюртуке, задумчиво смотрит в пустую тарелку. Перед ним на столе ещё одна пустая тарелка, столовый прибор и салфетка, которую он подумывает положить на колена.

Из кухни выходит СЛУГА ещё с одною тарелкой, а с улицы в трактир закатывается столь же почтенный человек, но немного развязнее и живее. ДПИ делает ему приветственный жест серебряною вилкою.

ДПИ. Пётр Иванович, моё почтение! Я даже и не думал сегодня утром с вами увидеться. (СЛУГЕ.) Спасибо, братец.

БПИ. Здравствуйте и вам, Пётр Иванович. А это что у вас тут, в тарелке? Вроде бы сёмга?

ДПИ. Отличная сёмга. Прямо не могу нарадоваться, что за сёмга. Видите? (Указывает на тарелки, убираемые СЛУГОЙ.)

БПИ (СЛУГЕ). Так ты и мне, братец, того же самого принеси. И всякого, что есть у вас для закуски. Вина много не надо. Со всем даже не надо вина.

Из кухни доносится грозный голос ХОЗЯИНА: «Видали мы эдаких плутов и шерамыжников! Ещё и к городничему пойду!».

ДПИ. Да вот не хотите ли, Пётр Иванович, пока вашу сёмгу несут, мы можем и эту приговорить. Вы с этого бочка, а я с этого? Если вас не обидит.

БПИ. Я благодарю покорно, Пётр Иванович. Если бы только сёмгой одной были полны мои мысли, тогда пожалуй и... А так я обожду... Там и приборы будут.

ДПИ (*принимаясь за еду*). Так что же побеспокоило вас?

БПИ. Слыхали вы новость?

ДПИ (*жуёт*). Э-о... О-э... Это вы о той, что в письме, полученном у городничего сего дня?

БПИ (*всплеснувши руками*). Как! Вам уж сказывали? Да кто же? Я сам только узнал, к вам побежал, да насилу нашёл ещё, спасибо, Иван Кузьмич надоумил — наставил, так сказать.

ДПИ. А ключница моя, Авдотья, послана была к Филиппу Антоновичу Почечуеву...

БПИ. Да полно про ключницу-то, Пётр Иванович. Разве дело в ключнице?

ДПИ. За бочонком французской водки... (*Снова жуёт.*)

БПИ. Да ведь не про то я вам толкую, Пётр Иванович, хотя и хороша у вас французская водка. А вот не показалось ли вам странным... Да вы дослушайте сначала, Пётр Иванович!

ДПИ. Да я же что? Я же слушаю.

Оба прислушиваются, и тотчас из кухни снова слышно: «Третью неделю денег не плотит!». Входит СЛУГА с тарелками и прибором.

БПИ (*торжественно и даже с некоторою искрой*). А не показалось ли странным вам, Пётр Иванович, то письмо, про которое нынче речь у Антона Антоновича говорилась? (*Принимается за сёмгу свою.*)

ДПИ (*подумав немного, только чтоб губы промокнуть*). Да и как не быть странности. Инкогнито, да с секретным предписанием — это, Пётр Иванович, неспроста.

БПИ. Вот вы говорите, неспроста! И я говорю, что неспроста. Ведь если наприклад судить, то ничего и в голову нейдёт! Что город у нас, разве чем-то среди других городов особенный? Вот едет чиновник из Петербурга. А приехав, что? К чему?

ДПИ. Однако же Артемий Филиппович...

БПИ. Вот уж заладили про Артемий Филипповича! Вы ещё сказали бы, что церковь у нас не в своём виде или что Антон Антонович взятки берёт.

ДПИ. Так берёт ведь взятки он.

БПИ (*покровительственно*). И, Пётр Иванович, а где, в каком уезде их не берут?! Вы меня знаете, в дружбе моей сомневаться не можете, а скажу — иногда совершеннейшим ребёнком смотрите на устройство мира. Да если в каждый такой город... (*Усиленно жуёт.*)

ДПИ (*с мыслью в голосе*). Да, если в каждый, то пожалуй...

БПИ (*оглядев пустую тарелку со вниманием, понижает вдруг голос*). Да и если говорить по совести, то кто через неделю эти взятки помнить будет? Приехал ревизор, нету взяток. Где взятки, какие взятки? Где церковь?

ДПИ. Да, это не сыскать. Вешку разве только поставят.

По лестнице сходит и через буфетную движется МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК с тросточкой и в фуражке. Он насвистывает из «Роберта-дьявола», хотя вид имеет не самый весёлый, а даже совершенно напротив, голодный. БПИ, взглянув на него, даже рукой машет.

БПИ. Вот и перебравши в уме все грехи наши... То есть те, которые называются наши, потому что мы с вами, Пётр Иванович, люди умные и положительные. *(Вдруг замолкает.)*

ДПИ. И Аммос Фёдорович сказал, что война будет. А я так подумал, что город у нас не пограничный. А Аммос Фёдорович, человек, бывший в военной службе, и к тому же передовых взглядов, масон, и книги аглицкие читает, так и огорошил меня. Он говорит, будто бывает так, что сегодня город ещё не пограничный, а завтра уже совсем другое.

БПИ. А вы сами, Пётр Иванович, случаем, не по военной ли части служить изволили?

ДПИ *(привычным тоном)*. Да, служили. Да только так, недолго служивали...

БПИ. Я ведь не случайно спросил вас, Пётр Иванович. Я ведь по поводу депеши полученной много размышлять сегодня с утра стал. И выходит, что либо прав Аммос Фёдорович...

ДПИ. Но не с турками же!

БПИ. Подождите, Пётр Иванович, подождите с турками. Вы мне своими турками, может быть, всю мысль в остановку введёте, а мне и без того её вам высказать язык не повертывается. Потому что если верная эта мысль, то вам и турки могут показаться совершенным о-де-лаван... *(Вытаскивает носовой бумажный платок и тут же сморкается в него истово, как если бы крест целовал или что другое полезное делал для здоровья своего.)* Итак, перебрав в фантазии своей весь наш город, то

есть цвет общества, и даже купеческого и синодального сословий, я не нашёл ничего особенно подверженного ревизии. То есть не то чтобы ничего, а именно потому, что вроде бы и много, ревизовать нечего, голо, пусто. Или будет пусто, когда придет чиновник с предписанием и инкогнитою.

ДПИ. Да. Но ведь так уж заведено. И заведено не нами.

БПИ. Так неужели, Пётр Иванович, хоть на минуту думаете вы, что если это вам с нами известно, то неизвестно выше? Почему не знает об этом Сенат, скажем, или даже... государь?

ДПИ *(снова промокает губы, совсем без причины на этот раз)*. Так что же вы скажете? Зачем же ему к нам? Какого рожна здесь у нас искать надо?

БПИ *(выставив палец так, как обычно крестьяне слюнят палец, чтобы поймать сторону, откуда дует ветер)*. Вот тут я и увидел, Пётр Иванович, интересное для нас следствие, необычайное происшествие, как оно важное есть для нас с вами. Потому что либо уж война с турками, либо в самом деле не для кого, кроме нас!

БПИ улыбается победительно, но ДПИ не отвечает, хотя и поковырял немного пальцами в зубе с правой стороны. Медленно и осторожно смотрит на собеседника. Усмехается.

ДПИ. Уж не за нами ли чиновник собрался, по-вашему, Пётр Иванович?

БПИ. Так по какой линии служили вы?

ДПИ. Сами знаете, по военной. А вы по штатской, как вы не раз сказывали.

БПИ. Эх, Пётр Иванович, Пётр Иванович. Разные бывают службы штатские и разные военные. *(Начинает рыться в кармане, в другом, в третьем, но времени зря не теряет, говорит.)* Да уж правду вам скажу, никакой тревоги, ну вот ни на столько не заронилось бы во мне. Да только придя домой, я полез в секретер, аглицкий, тот, что на ярмарке купил ещё в тот год, когда горела усадьба Карагудовых. И там, изволите ли видеть, попался мне на глаза один манускрипт, я так его назову, хотя и не на нильском папирусе писан, а на гербовой бумаге.

ДПИ. Полюбопытствовать... Гм... Так. *(Читает.)* Глаза... Цвета... Нос... Христианской веры... «Низенький, коротенький, с небольшим брюшком. Говорит скороговоркою и чрезвычайно много помогает себе руками и жестом».

БПИ. Так крестьянам в паспорте пишут. Вы знаете, на случай, если рекрут вдруг сбежит или мастерового найдут мёртвым в соседнем уезде, а спросить, как выглядел, не у кого.

ДПИ *(смотрит на свет)*. Однако, гербовая.

БПИ. Гербовая, Пётр Иванович. И всего четверть.

ДПИ. Гм... Четверть. Да это же про вас написано, Пётр Иванович. А почерк не ваш.

БПИ *(глубокомысленно и твёрдо)*. Не мой, совсем не мой, непохож даже. Но я и без почерка скажу вам, что не писал я этого. Ни про себя. Ни про вас. А ведь мог бы и про вас. Ведь и вы под реестр этот полицейский точь-в-точь подойти должны.

ДПИ глубоко возмущён, делает даже движение, чтобы уйти от стола на диван. Но, видимо, вспомнив, что это за диван, остаётся сидеть, взяв только руки немного в боки.

ДПИ. Пётр Иванович, у меня ведь жена, старший сын и ещё четверо.

БПИ (*весело*). И о жене скажем, про всё скажем. Только вы, Пётр Иванович, следите за линией моей, за ходом, так сказать, рассуждений, за всеми *post hoc*. Право, мысль такая чудная... Нет, не могу. Нет, вы только обещайте мне сначала, как товарищ и как гражданин, образованный в своём деле и состоянии, что выполните просьбу мою.

ДПИ. Что-то ещё новое! Я ещё вашей мысли не понял, а теперь ещё...

БПИ. Просьба пустяковая. Вы посмотрите портмонет свой. Пожалуйста, сейчас же посмотрите, я знаю — у вас портмонет из Ливорно выписан был для свояченицы вашей, да она как перелетела через колесо коляски, так до сих пор сама не ходит.

ДПИ. Ну и что, что из Ливорно? Вы мне скажите, что вам там надобно, а я и так отвечу, есть там оно или нет. (*Портмонет, однако, уже держит в руках.*)

БПИ. Что же, я скажу. Найдите там записку, такую же точно. Она на гербовой бумаге.

ДПИ (*отмахивается, роясь двумя пальцами среди купюр и монет*). Да я вам и так скажу...

БПИ. Вы в третьем-то отделении у себя посмотрите, в третьем! Уж я знаю, там у вас такая неразбериха, просто хлам всякий, листики, карточки, и натащите туда всякой ерунды, дряни, потом за час не разберёшь, что.

ДПИ. Нет, и в третьем ничего... (*Вытаскивает точно такую же четвертушку гербовой бумаги и смотрит на неё изумлённо, читая.*) «Христианской веры, с небольшим брюшком. Низень-

кий. Говорит скороговоркою». Что за невероятные вещи? Это вы подложили сюда!

БПИ. Да как же я успел бы, батюшка мой, Пётр Иванович? Да и как же, ведь она в портмонете у вас добрых полгода, истеребилась вся, вон и полтинник серебряный у вас уже в ней давно, видимо, лежит.

ДПИ медленно встаёт из-за стола и делает странные движения, как будто хочет выпрыгнуть в окно или по крайности отсидел ногу. Решает тем, что садится на диван.

БПИ *(мягко)*. Так вы служили по военной части, Пётр Иванович? *(Пауза.)* Я ведь потому спрашиваю, что вам, я знаю, сорок шесть, сорок седьмой пошёл. И если сыну вашему сейчас сколько уже годков минуло? Ведь не меньше десятку лет вы здесь обитаетесь, Пётр Иванович, а то и к пятнадцати будет.

ДПИ. К пятнадцати нет. Я ведь не собирался здесь. Я побывал здесь проездом и направлялся в Симбирскую губернию, не помню уж с какой надобностью *(БПИ поднимает снова палец)*, да вышла история. Причинная, да только все ведь знают. И остался я, и ещё приданое взял, а приданое-то и есть дом городской.

БПИ. А я в то же время получил здесь наследство. То есть вот, служа в Торжке в государственной службе, взял и получил наследство.

ДПИ трёт лоб, и виски трёт, виски даже чаще, чем лоб, как будто мигрень или как будто в вист две семёрки на руках, и не знаешь, куда их, подлых, подевать.

Да было ли, Пётр Иванович?

ДПИ. Вы сбиваете меня, Пётр Иванович. Вы всё время меня сбиваете, да и сёмга эта... Четыре тарелки, и не так, по-моему,

хороша, как вначале казалось. И если уж напрямик сказать, то вы меня спросите про то, что сегодня, ну вчера, ну на той неделе, я вам за весь город скажу.

БПИ. За весь город, Пётр Иванович, и я вам, пожалуй, скажу. Вы вот о себе скажите. И не то, что у вас дочка младшая от кори весною все глаголы перезабыла во французской грамматике. И не то, что ключница ваша Авдотья видела таракана с крыльями, как у пчелы, да по темноте своей раздавила, вместо чтобы...

ДПИ (*договаривает*). ...послать в академию для изучения природы животной.

БПИ. Всё это я сто раз от вас слышал, а кое-что и по двести. И сам про то говорю. Уездная жизнь — это магнит, Пётр Иванович, затягивает эта жизнь, вот, казалось бы, нету в ней ничего, а день-ночь — сутки прочь, и как солома в водовороте летишь, крутишься, вчера полно всячины, сегодня и того пуще, вроде и пересказать всего не успел, а уж вечер. Где уж тут думать про всякое. А тут вот — р-раз! (*Хлопает на столе бу-мажку, потом вторую, потом плавно, с нежностью прикрывает рукой.*) А сверху секретное предписание.

ДПИ. Так что же вы об том думаете, Пётр Иванович?

БПИ (*с неожиданной силой, волей почти наполеоновской*). Если бы думал я, Пётр Иванович, я бы по-другому с вами говорил бы. Если бы знал, почему у нас у каждого по списку полицейскому на розыск другого припрятан. Не сразу и разберёшь, у кого чей.

СЛУГА входит в залу с намерением, должно быть, мести или пыль на полу, или крошки со скатерти, потому что в руках у него метла не метла, а вроде бы щётка головная. Но постояв в дверях и глянув на Петров Ивановичей, тушуеться обратно в свои чуланы.

ДПИ. Вы, значит, тоже забыли? *(Пауза.)* То есть, это и с вами бывает — говоришь, говоришь, врёшь, а может, даже и правду сказал, а сказанного-то не воротить. И вот ты не знаешь уже, правду рек или так, от Растаковского услышал. А коли и верно, что от Растаковского, или жены его, или свояченицы, так, стало быть, им со стороны и виднее. И ты уж сам про себя пере-сказываешь, и сам уже не вспомнишь, было оно прошлой неделей или так, слухи одни... *(С упором в глаза.)* Вы зачем здесь живёте, Пётр Иванович? У вас семьи нет, вам легче вспомнить.

БПИ. Как же нет? Есть у меня семья.

Остановившись перед диваном, хочет опереться руками в колена, как делают это исправники, когда смотрят на солдатах, хорошо ли колодка набита. Это ему почти удаётся, но дыхание спирает, и БПИ ограничивается наклоном головы, тоже весьма картинным.

Я давеча как секретер открыл, как почитал эту notiцию хорошенько, так сразу увидел... Вроде бы представление, или лучше сказать, фантом. Знаете вы, что такое фантом, Пётр Иванович? Это вот как в зеркало взглянешь, а там школьник такой, чертёнок этакий, пухлый, румяный. И это не сын шалит, это ты сам, Пётр Иванович. Вроде, был ты когда-то такой, а вроде, как в зеркало пристальнее глянешь... И пропадёт сорванец.

ДПИ *(отчаянно)*. Я служил по военной части...

БПИ *(повелительно)*. Стойте! Этих штук мы уж слышали, этих штук мы за пятнадцать лет друг другу наговорили порядком. Ведь подружились же сразу, как знакомство свели. Что-то есть в нас родное, что-то, что сразу тянет сказать, эдак с открытой душой, мол, друг мой Пётр Иванович, я служил в Торжке, да наследство получил...

ДПИ. Я отлично помню... Мы сидели здесь же. Вы про наследство мне говорили, а я не слушал даже, потому что в голове только одно: как же мне теперь жениться, если я ехал в Симбирскую губернию?

БПИ. А теперь другой фантом. Представьте себе столицу во всей её красе. И там есть Цепной мост, и у Цепного моста есть здание в три этажа. Слыхали ль вы? А может, видали, Пётр Иванович? Мне-то куда, я и в Петербурге никогда не бывал, не довелось.

ДПИ. Эй, мальй!

Входит СЛУГА, уже без щётки, но с пустым подносом, который точно был раньше серебряный, но пооблез.

Ты мне принеси... В самом деле. Хоть ягод давленных, хоть воды чашку. Только чтобы холодной, колодезной. Невозможно говорить с приличным человеком. Перец в горло попал. А хотя нет, ничего не надо. *(Видя движение СЛУГИ переспросить что-то, всплёскивает руками.)* Только ты, братец, пожалуйста, не говори ничего, ступай!

Слуга уходит.

Так вы, Пётр Иванович, рассказывали мне, что есть в Петербурге дом, а в доме кабинет, а в нём полковник в лазоревом мундире? *(Изображает в лице полковника. Закладывает руку за руку и вытягивает губы трубкой.)*

БПИ. А может, и кто-нибудь прямо от государя императора на коляске к крыльцу подкатил. А часы высокие, дубовые, и не звенят даже, а вроде как жужжат, шершнем, знаете, Пётр Иванович? Вы человек из военной службы, должны бы там бывать.

ДПИ. А нет, не бывал...

БПИ. И я не бывал. А вот стоит перед полковником молодой чиновник, лет двадцати с небольшим. Подаёт надежды, хотя внешности самой обычной.

ДПИ. Вы, Пётр Иванович, подаёте большие надежды.

БПИ (*вытянувшись, насколько это допускает нынешний костюм*). Верю и правдою, ваше превосходительство! Лишь бы на благо царю и отечеству. Постольку, поскольку возможно.

ДПИ (*бравирюя*). Возможно, возможно, Пётр Иванович! Может быть, даже и такую службу вам нынче и в будущем достанется исполнять, что очень даже возможно будет. Может быть, и сами удивлены будете.

БПИ. Верю и правдою, ваше превосходительство!.. (*A parte.*) Тут начинают бить часы.

ДПИ. Вы, Пётр Иванович, человек молодой, способный и шустрый. Вам я могу сказать, что отечеству нашему угроза есть в его недрах. То есть угрозы нет, если наш разговор будет иметь благоприятное... благоприятное...

БПИ. Нет, вы не так! Он, во-первых, никогда не скажет «Иванович», как мы с вами запросто говорим. Пётриваныч! Пётриваныч, понимаете, эдаким мур-мур, и всё. И потом, про угрозу — это вы... (*Грозит пальцем.*) Если есть угроза, значит, прогнило что-то, не правда ли?.. Да вы сами-то не вольных ли мыслей, Пётриваныч? Вы мне скажите, как другу своему, как товарищу старшему.

ДПИ. Никак нет, ваше превосходительство! Я намереваюсь в скором времени жениться и взять за женой приданого душ

пятьдесят, если не двести. Для того еду в Симбирскую губернию, если ничего не задержит по дороге...

БПИ (*с государственной осанкою*). Симбирская губерния — это ничего, это можно. Только по дороге будет вам одно поручение. Дело в том, что есть ещё на свете люди, требующие надзора. Именно надзора, потому что ни на что другое их не предназначила судьба.

ДПИ. Как не понять! Вольтерьянцев много я встречал.

БПИ. Вот именно так. То есть не вольтерьянцы, а может, даже и хуже вольтерьянца. Через него великое зло выйти может, то есть не государству зло, а ему самому. Но наш департамент следит за такими. И в случае надобности...

ДПИ. Нет, не так, Пётриваныч! Ни о департаменте, ни о государстве тут речи даже не идёт! Вы просто познакомьтесь с ним! Это легко будет, ибо по счастливой случайности он сходен с вами, и внешне, и внутренне, движениями души, так сказать. Может быть, вам поначалу будет трудно найти общие темы. Но вот вы заговорили с ним, раз, другой. И он уже увидит родственную душу. И даже если злоба или недоверие свили гнездо в душе его...

БПИ. Да, да, это верно!

ДПИ. Беседа с вами и увлечёт его, и заставит, хотя бы из притворства, такую же беседу в ответ вести. Вот тут вы его и слушайте, Пётриваныч. Не для того, чтобы нам на него донести, а с тем, чтобы самому беседу поддержать. И так это у вас славно выйдет, вы ему слово — он вам два. А чтобы не спутать, вот вам портрет его словесный, да вы и сами его узнаете. Мы разослали этот портрет по всем станциям на пути вашего следования, дабы кто-нибудь ненароком не принял вас за него и не вышло никакого недоразумения. Но будьте осторожны,

не показывайте ему, что знаете, кто он такой. Ведь он мог перехватить свой портрет, а его внешность...

БПИ. Как я уже указывал...

ДПИ. Во всем...

БПИ и ДПИ *(вместе)*. С вашей схожа...

Тишина. Входит СЛУГА с графином морсу. На горле графина помещаются два стакана, поднос тоже тут, в левой руке достойного кравчего. БПИ тут же наливает полстакана и шумно пьёт.

ДПИ. Вспомнили?

БПИ. Нет.

ДПИ. И я также. *(Наливает себе полный стакан и отставляет в сторону.)* Что же нам делать, Пётр Иванович?

БПИ. Если чиновник из Петербурга...

ДПИ. Нет! *(Чуть не расплескал.)* Как вы не понимаете, Пётр Иванович. Нам прежде нужно выяснить! Правда ли, что он приезжает из-за того... чего вы, может, даже и не помните. Хотя нет, это пустое! Если это просто фантазия, фантом, как вы говорите, это бы ещё ничего. А вот если правда, тогда кто же? Кто же из нас?

БПИ *(с расстановкой)*. Очень хорошо я это понимаю, Пётр Иванович. Потому и пришёл сюда к вам. Больше ведь мне советовать не с кем. А дело важное. С кого спрос? А кому бежать?

ДПИ. Знаете, тут как раз дело проще. У вас нет семьи...

БПИ (*с расстановкой*). У меня есть семья. Здесь не так надо. Не надо сначала решать, как кому удобнее. Лучше вспомните вы, не замечали ли за собой чего-то такого... Лет, скажем, двадцать назад.

ДПИ. Двадцать много. Пятнадцать. (*Упавшим голосом.*) Да что вы, в самом деле, Пётр Иванович! Разве можно ясно представить, что было с тобой двадцать лет назад, когда тебе уж за сорок? Во что верил, какие замки и миражи представлял. Ведь и скорую смерть юноши себе вечно предрекают и кличут порою. Но вот тебе к пятидесяти, а ты всё жив, у тебя заботы, тебе и вспоминать про костлявую некогда.

БПИ (*задумчиво*). Я иногда, знаете, думаю о том, как бы лечь на дне морском.

ДПИ. Э!

БПИ. Нет, это не «Э!», Пётр Иванович. Это ещё совсем не «Э!». Как знать — может, это последние аккорды молодого вольнодумия в душе звенят. Чтоб этак, знаете, пулю в лоб, или на площадь выйти и в каре построиться!

ДПИ. Это вы, однако же, хватили, Пётр Иванович...

БПИ. Да я ведь не про нашу площадь! Забудьте вы на секунду и город наш, и семью свою, и ключницу! Уж если начистоту вопросы задавать, давайте предположим крайность. А что же? Положим, что не знаем друг друга совсем. Положим, что один из нас где-то в глубине души своей мечтает, чтобы мужичкам вольность дарована была. Вы не подумайте, что я об вас именно, я сам не чужд веяний, просто спрашиваю.

ДПИ (*исподлобья*). Где я был бы в декабре двадцать пятого?

БПИ (*с досадой*). Э, Пётр Иванович, куда хватили! Вы не Пушкин, да и я, признаться, не государь император... (*Садится рядом, отчего диван и совсем перекашивается.*) Пётр Иванович. Мы с вами двадцать лет рядом. Хорошо ли, плохо ли. Поверьте, что я не зла вам хочу. Я хочу истины.

ДПИ (*глухо*). Я ехал в Симбирскую губернию, где взял бы приданого двести душ. Здесь у меня городской дом, горничные, Яшка-слуга. Ключница Авдотья.

БПИ. А я, признаться, порою думал, что я фреймасон. (*ДПИ смотрит с интересом.*) Это стало бы очень удобно, окажись я фреймасон. Фреймасонов никогда не выпускают из-под наблюдения, а больше ничего с них не надобно.

ДПИ. Вот и Аммос Фёдорович...

БПИ (*с жаром*). Именно из-за него! Всякий раз, как раскланяешься с ним на улице, испытываешь неодолимое, ни с чем не сообщаемое побуждение сделать рукою вот эдак. (*Делает.*) Вот я и думаю, что это может быть тайный знак или что-то вроде того.

ДПИ. Так вы бы сделали...

БПИ (*машет рукой*). Без толку! Он только треуголку-то поправит и осведомится ещё: «Здоровы ли вы, Пётр Иванович?». Вот, сами видите, хоть и масон, и книги аглицкие читает...

ДПИ. Я думаю, что если за каждым масоном чиновника из Петербурга посылать... Так ведь то же самое выйдет, что со взятками или скверной дорогой.

БПИ. Вот и выходит, что не миновать нам судьбы своей. (*Берёт стакан ДПИ и допивает, а потом, словно ободрённый морсом, тихонько вцепляется в волосы свои, повыше ушей.*) Ах, если бы каким-нибудь чудом чиновник этот обогнал бы депешу! Вот,

скажем, приехал бы сегодня, или нет, дней пять назад. Ведь это можно, ведь так делается! Для пользы государства именно так и должно бы делаться! Как, Пётр Иванович, вы не понимаете? Ведь если хотя бы вчера он был здесь, ему бы стоило по улице пройти... Грязь, поношение, всюду нечистота... Ведь это нелзя, ведь не прошёл бы он мимо. Хотя бы и для проформы, он — к городничему. А подать сюда Ляпкина-Тяпкина, того, другого. Он бы и до нас добрался, но не сегодня, не сейчас!

ДПИ. А дальше-то, Пётр Иванович? Ведь сегодня-то пройдёт, завтра будет.

БПИ. А дальше и не надобно. День он тут поживи, а на второй у него от посетителей отбою нет, и не простые это посетители, а... *(Теребит воздух пальцами, как будто сучит нитку из хлопку или из шерсти.)*

ДПИ *(увлѣкишись)*. А на третий, глядишь, у Антон Антоныча дочка на выданье!

БПИ *(погасая)*. Да только пустые это мечтания. Фантом. О приезде оповещено заранее. Вот увидите, через неделю город не узнать будет. И вешку поставят там, где церковь. А мы-то как?

ДПИ *(не давая погаснуть)*. Нет, не спешите вы, Пётр Иванович, со своим «мы-то как?». Вечное это наше «мы-то как?», все наши беды российские, может быть, из-за него. Мелькнула светлая мысль в провинциальной голове, и может быть, Цицерон, Невтон, Фультон паровоз изобрёл! Изобрести-то изобрёл. Но тут же стукнуло Невтону сомнение: «А мы-то как?» — и баста, пошёл к себе на веранду досыпать.

БПИ. Да полно вам меня честить, любезный. Я в таком же риске себя полагаю, как и вас, не знаем же мы, на кого из нас предписание, за кем из нас приедут.

ДПИ. Так имейте совесть и честь, Пётр Иванович, не бросайте мысли своей, идеи, так сказать. Нам что спасение сейчас? Вот этот ужас в глазах Антон Антоныча. Ведь мы его знаем, он не человек — лев! Он за должность свою костями ляжет — как не лечь, когда дочь на выданье? Это уж вы мне поверьте, забота о счастье дочери — великая сила!

БПИ. Так нам-то что с того корысти?.. Городничий упреждён, подготовит вверенную ему должность и дислокацию к поверке... И поверка его по плечу потреплет, а нам...

ДПИ. Так пусть же не будет готов. Пусть поверка сейчас же!

БПИ. Вы думаете, возможно?

ДПИ. Пётр Иванович, милейший. Как minimum один из нас — чиновник из Третьего отделения, ведь это мы же установили? N'est-ce pas? А другой... Чёрт его знает, что такое другой! Может быть, вольнодумец из образованных, а может быть, и аглицкий шпион, чем чёрт не шутит! Ну нет, не будем в это вдаваться, не до того сейчас. Оставим как есть. Другое важно — люди мы оба не без способностей. Неужели же мы вдвоём не изыщем способа...

БПИ снова достаёт своей платок. Но не применив по назначению, хватает вилку и начинает чертить черенком на скатерти некую замысловатую фигуру.

БПИ. Выходит так, Пётр Иванович. Прибыл из Петербурга ревизор. Нет, не ревизор, а бог его знает что: отставной майор, шулер, отдыхающий из Баден-Бадена. Сие неважно, сие и ненужно. Допустим, что он лицо с секретным предписанием. Чем менее он окажется похож, чем менее будет согласен с этою гипотезою, тем лучше — значит, опасен, значит, ложную на себя личину надел. Всякое бывает. Бывает, что и семьёй ради личины человек обзаведётся...

ДПИ. Я, Пётр Иванович, семью свою люблю...

БПИ. Да это я не про вас. Это я так, себе. Тут важно что — чтобы Антон Антоныч и другие поверили в фантом. Ежели ошеломит их сей реприманд неожиданный, а на улицах, заметьте, самая грязь, а забор ещё не выкрашен, тогда уже со святыми упокой! Тогда уже городского с метлой никуда не пошлют. Тогда выходит городничий, да прыг в коляску, да с личным визитом в гостиницу. Да пачки бумажек, да фрыштик с лабарданом. Да с дочкой знакомить.

ДПИ. Это, Пётр Иванович, самое важное. Это страшная сила, уверяю вас.

БПИ. А фокус-то в том, что обычный чиновник может и зарать, и плюнуть, и затребовать столько, что по всему городу у купцов не соберёшь... И не взять может, какая только чертовщина не бывает. А этот-то? Который сам ни сном, ни духом, который не привык, и не ждал, и цену не назвал. А его с губернаторской дочкой за фортепьяна сажают... Этот непременно возьмёт и сядет...

В наступившей тишине проходит через буфетную тот же МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

Остановившись, старается заглянуть в тарелки на столе, но там ничего.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Вы что это, господа, едите здесь? Я из заботы спрашиваю, чтобы знать, хорошо ли здесь проезжающих кормят.

ДПИ (*угрюмо*). Сёмгу, молодой человек.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (*немного помолчав*). А я не люблю сёмги. От неё, знаете, в сон клонит, перец в горле застревает. (*Молчит ещё немного.*) Ну я пойду, господа. Мне после обеда надо ещё кое-чем заняться.

Грустно поднимается по лестнице. В тишине следом его шагам слышится ворчание

ХОЗЯИНА: «Видали мы этаких плутов и шерамыжников!».

Первым голову поднимает ДПИ. Потом БПИ.

ДПИ. Э!

БПИ. Э!

ДПИ. Нет, Пётр Иванович, это я первый сказал: «Э!».

Занавес